

Территориально-отраслевая трансформация сельскохозяйственного комплекса региона как фактор естественной регенерации агроландшафтов

*Е.А. Семёнов, к.г.н., А.М. Русанов, д.б.н., профессор,
ФГБОУ ВО Оренбургский ГУ*

Географическое расположение Оренбургского региона, приуроченного к лесостепной и степной зонам, наличие плодородных чернозёмных почв, достаточно благоприятные для земледелия агро- и биоклиматические условия явились главенствующими детерминантами континуально-циклического аграрного освоения земельных ресурсов Оренбуржья.

Наиболее значимые преобразования в территориальной организации и в региональных структурах землепользования и землеустройства произошли в 1954–1962 гг., в период освоения целинных земель, когда было распахано более 1,8 млн га, а площадь пашни достигла 56% территории области. Посевные площади в целинных районах, преимущественно на востоке региона, увеличились в 4–5 раз [1]. Стратегические установки в землепользовании и землеустройстве в те годы осуществлялись, как правило, без учёта агроприродного потенциала земельных ресурсов. В результате они оказались недостаточно экономически обоснованными и экологически сбалансированными, не соответствовали агроэкологической и социально-этнической специфике конкретных территорий. В итоге многие социально-экономические и экологические преобразования

в аграрном секторе, связанные с освоением новых земель, привели к негативным результатам [2, 3].

Распространение монокультурного земледелия с ненормативным преобладанием посевов яровой пшеницы (до 65–70% всей площади пашни), отсутствие оптимальной системы севооборотов и почвозащитных адаптивных способов агротехники заметно сократили естественное плодородие сельскохозяйственных земель целинного пояса по сравнению с 1954 г. [2, 3]. К началу 90-х гг. большая часть почв пахотных земель под влиянием водной и ветровой эрозии, дегумификации, ухудшения физических свойств оказалась на разных стадиях деградации. Доля непригодных к использованию пахотных земель целинных районов Оренбуржья составила 33% от общей площади непахотно-пригодных агроландшафтов области [4].

Симметрично с ростом площади пашни интенсивно развивалось и животноводство. Существенно выросшее поголовье скота не соответствовало экологической ёмкости пастбищных экосистем. В результате дигрессия естественной растительности приобрела масштабный характер. За короткий период использования более 20% территории пастбищ в значительной степени были лишены типичной для степи злаковой растительности и трансформированы в сильно сбитые растительные сообщества со сменой видового состава и ухудшением кормовых

качеств растительной биомассы. Одновременно почвы пастбищ вследствие перевыпаса заметно ухудшили свои физические, химические и биологические свойства [5]. В те годы восстановление природных свойств нарушенных степных биогеоценозов представлялось весьма проблематичным.

Однако с начала 1990-х гг. в результате произошедших в стране политико-административных и социально-экономических преобразований в регионе начался очередной этап конвертации землепользования и сельскохозяйственного производства. Основными признаками таких изменений стали:

- масштабное стихийное снижение площадей пахотных земель и поголовья скота с выраженной дифференциацией по районам и категориям (типам) сельскохозяйственных товаропроизводителей;

- наличие полиукладной экономической структуры сельского хозяйства с достаточно условной классификацией;

- снижение в производстве сельскохозяйственной продукции удельного веса крупных агропредприятий и возрастание доли индивидуальных и фермерских хозяйств;

- нарастание внутриобластных контрастов в аграрной специализации и в объёмах производства сельскохозяйственной продукции, обусловленной территориальными различиями в структуре посевных площадей и поголовья скота, а также порайонными расхождениями в долевом соотношении крупных коллективных (акционерных), индивидуальных и фермерских хозяйств в производстве аграрной продукции;

- пестрота и множественность субъектов форм и прав собственности на землю, отсутствие чётких критериев выделения и использования земель сельскохозяйственного назначения;

- снижение культуры сельскохозяйственного производства, связанного с приходом в аграрный сектор руководителей индивидуальных и фермерских хозяйств с отсутствием необходимых знаний и опыта;

- социально-экономическая дифференциация и фрагментация сельского хозяйства с формированием очагов концентрации высокотоварного, продуктивного и перспективного сельскохозяйственного производства и обширной зоны агроэкономической стагнации и депрессии;

- расслоение аграрного пространства, связанного с нарастанием центрально-периферийных градиентов в плотности сельского населения и концентрации сельскохозяйственного производства;

- существенная перестройка структуры землепользования сельскохозяйственных территорий с формированием внушительной доли залежных земель в связи с заметным сокращением посевных площадей, прежде всего в постцелинных районах региона [6, 7].

В условиях длительного отсутствия чёткой, научно обоснованной, стратегической, федеральной

и региональной программы развития сельского хозяйства доминирующими инструментами долгое время оставались в основном фрагментарные (в режиме «ручного управления») и административные методы управления и планирования в аграрном комплексе региона. Под влиянием рыночных факторов зачастую происходила бессистемная стихийная перестройка региональной структуры землепользования и землеустройства, территориальной организации земледелия и животноводства, возникновение новых производственно-экономических форм и укладов в сельском хозяйстве [2].

Анализ динамики землепользования свидетельствует, что наибольшее снижение посевных площадей приходится на районы постцелинного аграрного сектора. Здесь их площадь за 1990–2010 гг. сократилась почти в 1,8 раза, а по сельскохозяйственным предприятиям уменьшилась ещё в большей степени (в некоторых из них в 2,3 раза) и составила от уровня 1990 г. всего 43,9% (табл.). Между тем в среднем по области сокращение посевных площадей в этот период было значительно меньше и не превышало 27% от уровня 1990 г. В своей совокупности приведённые данные демонстрируют произошедшую существенную геоперестройку системы землепользования и заметное усиление территориальной дифференциации регионального земледелия. Однако для постцелинных районов характерны существенные отличия по рассматриваемым показателям. Например, площадь пашни в Первомайском и Акбулакском районах составляла в 2010 г. 36% от уровня 1990 г., в то же время в Кваркенском и Адамовском – 78%.

Посевные площади сельскохозяйственных культур, тыс. га [1, 6]

Год	1990	2010	2010 г. в % к 1990 г.
В хозяйствах всех категорий			
Всего по области	5569,2	4061,4	72,9
Всего по 10 постцелинным районам	1751,5	1006,2	57,4
В сельскохозяйственных предприятиях			
Всего по области	5425,8	2866,5	52,3
Всего по 10 постцелинным районам	1706,0	749,3	43,9

На общем фоне сокращения посевных площадей проявилась заметная трансформация экономической и территориальной структуры землепользования и землеустройства. Наименьшее падение обрабатываемых площадей характерно для староосвоенных районов вне целинного агросектора (Заволжье, Предуралье) и некоторый их

рост в поле влияния агломерационного эффекта городов (Оренбурга, Бузулука).

В то же время в географии землепользования большинства постцелинных районов возникли крупные ареалы отсутствия сельскохозяйственной деятельности. Поля, стихийно переведённые в залежь, почвенный покров которых и в настоящее время находится в стадии восстановления своих генетических свойств, как правило, наиболее удалены от населённых пунктов и наименее доступны из-за отсутствия или низкого качества транспортных коммуникаций. Они расположены в основном на границах хозяйств или административных районов, а также в трансграничной полосе с регионами России и Республики Казахстан.

Различие в масштабах сокращения посевных площадей и поголовья скота по муниципальным районам области определяется зависимостью как от факторов первой природы (агроклиматические условия), так и от рыночных и институциональных факторов, а также от уровня развития транспортной инфраструктуры, демографической и миграционной ситуаций. Эти детерминанты в свою очередь обуславливают тесную корреляционную зависимость размеров и географических ареалов восстанавливающихся степных агроландшафтов от плотности населения в сельской местности.

Вследствие сокращения поголовья скота, в особенности овец и коз, заметно снизилась и нагрузка на пастбища. В то же время в пределах общей площади пастбищных экосистем произошло перераспределение нагрузки и локализация выпасов. На отдалённых участках пастбищных территорий выпасы стали нерегулярными или прекратились вовсе. Между тем в связи с ростом поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения в территориальных очагах вблизи населённых пунктов нагрузка скота на единицу площади не изменилась и даже несколько возросла.

Существенное сокращение масштабов сельскохозяйственной деятельности привело к заметному снижению антропогенного давления на степные ландшафты. Сокращение пастбищной нагрузки и рост площади залежей вызвали массовую регенерацию степных экосистем на залежных землях и ранее деградированных пастбищах. Нельзя не отметить и один важный положительный момент, связанный с прошедшими изменениями в аграрном секторе экономики. На значительной части территории области в связи со снижением антропогенных нагрузок начался новый период в истории агроландшафтов, ведущим процессом которого стала естественное восстановление степной растительности и свойств чернозёмов [5].

С 1993 г. на территории региона развернулась работа по государственному экологическому мониторингу земельного фонда [8, 9]. Она способствовала выявлению определённых изменений в агроландшафтах, связанных со спецификой

современного периода истории. По результатам исследований, проведённых на залежных участках и естественных пастбищах, выведенных из сельскохозяйственного оборота в течение 15–20 лет, были сформулированы следующие выводы:

– на участках залежей за относительно короткий период (с 1993 по 2013 г.) деградированные чернозёмы существенно улучшили свои свойства, а именно гумусное и структурное состояние, при этом естественная травянистая растительность на залежах восстановилась до своего квазинатурального уровня;

– на естественных пастбищах в связи с резким снижением, нерегулярностью и отсутствием выпасов восстановились физические свойства почвы, их естественное разуплотнение до уровня оптимальных значений, благоприятных для вегетации растений семейства злаковых, характерных представителей степного флористического покрова.

Полученные в ходе проведённых исследований результаты следует рассматривать в качестве предпосылок для пересмотра сложившихся ранее представлений о низкой устойчивости степных и лесостепных ландшафтов к антропогенному воздействию и о потенциальной способности нарушенных экосистем к самовосстановлению.

Экспертиза не востребованного фонда залежных земель, находящихся на разных стадиях регенерации своего природного потенциала, продуцирует необходимость в постановке и решении задач, связанных с оптимизацией его дальнейшего использования. Следует, однако, отметить, что в настоящее время в формате региональных программ развития и совершенствования аграрного комплекса не просматриваются какие-либо значимые эколого-экономические проекты по оптимизации использования земельного фонда области в новых социально-экономических реалиях. Между тем и сегодня сохраняется дифференциация земельного фонда по основным категориям, оформившаяся в конце 70-х гг. прошлого века. Такое распределение агроландшафтов по видам использования не соответствует природной специфике региона и, что особенно важно, новым экономическим отношениям в аграрном секторе.

Предложения Института степи и других научно-исследовательских структур по сохранению и восстановлению степных экосистем, создание на освободившихся из сельскохозяйственного оборота землях традиционных адаптивных форм ведения сельского хозяйства и реализации экосистемных и туристических услуг: пастбищного скотоводства, табунного коневодства, создание особо охраняемых природных территорий, развитие агро- и экотуризма представляются достаточно экологически и экономически обоснованными [8, 10].

Социально-экономическое положение, в первую очередь бывших целинных районов, диагностируется сложной демографической ситуацией,

которая определяется сверхвысокими показателями миграционного оттока сельских трудовых ресурсов. К примеру, в Ясненском районе численность сельского населения составляет всего 4 тыс. Плотность сельского населения в таких районах, как Ясненский и Светлинский, не превышает 1,7 чел. на 1 км². Значительная удалённость от городов нивелирует действие их агломерационного эффекта на сельскую территорию. В критическом состоянии находится автодорожная сеть, отсутствует железнодорожное сообщение в большинстве постцелинных районов при среднем расстоянии между населёнными пунктами бывшего целинного агросектора 50–60 км. Всё это значительно ограничивает сельскохозяйственную деятельность на этих территориях [6].

На территории постцелинного пространства необходима селективная концентрация сельскохозяйственной деятельности в ареалах с максимально благоприятными агроклиматическими условиями и пространственно-экономическим положением. Целесообразно сформировать здесь устойчивые агрохозяйственный пояс с оптимальной, экономически обоснованной и экологически сбалансированной структурой землепользования, с локальными ареалами агроландшафтов с посевами в основном твёрдых сортов пшеницы, сконцентрированными на лучших землях, агро-степями с системой пастбище- и сенокосооборотов с водными источниками для развития адаптивного скотоводства, типчаково-ковыльными выпасами

для организации табунного коневодства, пастбищными угодьями на почвах низкой продуктивности с оптимальным поголовьем овец и коз, озёрно-степными охотничьи-промысловыми и охраняемыми природными территориями.

Литература

1. 40 лет освоению целинных и залежных земель Оренбургской области (1954–1993 г.) / Госкомстат Рос. Федерации; Оренб. обл. упр. статистики. Оренбург, 1994. 72 с.
2. Семёнов Е.А. Освоение целинных и залежных земель России и Казахстана: предпосылки и экономические итоги // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 13 (149). С. 318–322.
3. Чибилёв А.А., Левыкин С.В., Семёнов Е.А. Итоги и уроки целины // Вопросы степеведения. (Оренбург) 2005. № 5. С. 7–12.
4. Русанов А.М. Группировка почв и агроландшафтов Оренбургской области по критериям их пахотопригодности // Почвоведение. 2002. № 9. С. 1081–1088.
5. Русанов, А.М., Шейн Е.В. Современный этап эволюции почв и растительности сельскохозяйственных земель Оренбургской области // Вестник Московского государственного университета. Сер.17: Почвоведение. 2013. № 4. С 39–43.
6. Города и районы Оренбургской области: стат.сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2012. 274 с.
7. Новоженин И.А., Вербова Е. Г., Прихожай Н.И. Земельная реформа в Оренбургской области 1990–2000 годы. Оренбург, 2000. 298 с.
8. Проблемы геоэкологии и степеведения. Т. III. Развитие научной школы в Институте степи УрО РАН / под ред. А.А. Чибилёва и О.А. Грошевой. Екатеринбург: УрО РАН, 2012. 236 с.
9. Степанова О.Б. Мониторинг земель Оренбургской области / О.Б. Степанова, А.М. Русанов, С.А. Юров, Д.Г. Поляков. Оренбург, 2011. 28 с.
10. Чибилёв А.А. Современные агроэкологические и социально-экономические проблемы пространственного развития постцелинных степных регионов / А.А. Чибилёв, С.В. Левыкин, А.А. Чибилёв (мл.), Г.В. Казачков // Известия Оренбургского аграрного университета. 2013. № 5 (43). С. 216–218.